

Раффи

Хент

Акоп Мелик-Акопян (Раффи)

Хент

«Aegitas»

Мелик-Акопян (Раффи) А.

Хент / А. Мелик-Акопян (Раффи) — «Aegitas»,

Как известно, эти чаяния армянского народа не сбылись. После победоносного завершения войны к России отошли только Карский и Ардаганский уезды, а большая часть Западной Армении осталась под властью султанских ассимиляторов и погромщиков. В статье 61-ой о Западной Армении (трактат, принятый на Берлинском конгрессе, который был созван в результате вмешательства европейских держав, и в частности Англии и бисмарковской Германии, для пересмотра подписанного в Сан-Стефано договора) весьма неопределенно говорилось, что турецкое правительство должно провести в Армении некоторые реформы. Эти так называемые реформы остались только на бумаге и позволили султану Гамиду еще более усилить преследования и погромы армян. В печати и художественной литературе, представлявших различные течения армянской общественной мысли, велись страстные споры о путях и возможностях освобождения западных армян. В это время Раффи одно за другим опубликовал три произведения из жизни западных армян: «Джалалэдлин», «Хент» и «Искры». В них со свойственным ему чувством актуальности писатель стремится ответить на вопросы, волновавшие современное ему общество.

© Мелик-Акопян (Раффи) А.

© Aegitas

Содержание

I	5
II	10
III	12
IV	14
V	17
VI	19
VII	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Раффи Хент

I

Баязет был осажден.

Двадцатитысячная толпа, состоящая из регулярной турецкой армии и башибузуков, из татар, курдов и цыган, окружала полуразрушенный город, обращенный в пепелище, местами еще дымившийся. Дома армян христиан опустели. Жители их были уничтожены или взяты в плен; только ничтожная часть спаслась, найдя заблаговременно убежище в пограничном персидском городе Магу.

Одна Баязетская крепость была еще неприступна.

Горсть русских солдат вместе с ополченцами из армян и татар укрепились в уцелевшей цитадели и в страшном унынии ожидала печальной участи. Крепость была окружена с четырех сторон неприятелем, который, образуя как бы железное кольцо, намеревался задушить, одним ударом уничтожить растерявшихся осажденных. Сношение с внешним миром было прервано.

Осада началась шестого июня 1877 г. и продолжалась ровно двадцать три дня. Это было то время, когда счастье неожиданно изменило успеху русского оружия в Армении. Местное магометанское население, встретившее довольно благосклонно русских в начале их действий, нынче восстало и присоединилось к войскам Измаила-паши. Генерал Тер-Гукасов, командовавший эриванским отрядом, находился в то время между Зейдеганом и Дели-Бабаем, где его немногочисленный отряд храбро сражался с полчищами Мухтара-паши. Оставив Баязет под защитой коменданта Штоквича, генерал, как видно, ничего не знал об участи, постигшей этот город.

Ночь. Луна едва только успела скрыться за горизонтом. Воцарился мрак. Казалось, он был приятней для осажденных: луна, любимица вселенной, освещая серебристыми лучами крепость, могла выдать засевших в ней храбрецов. Но темнота все же не была помехой для нападения врага.

Цитадель обрисовывалась как мрачная точка на возвышенности одного из холмов, и на нее со всех сторон сыпались градом бомбы, гранаты, от которых вспыхивали пожары. Крепость редела, как затравленный хищный зверь. Она упорно боролась в предсмертной агонии, решившись умереть с честью. Около тысячи русских солдат, столько же ополченцев армян и татар, защищались против двадцатитысячной армии Измаила-паши. Огнестрельный запас крепости истощился, и приходилось только изредка стрелять, направляя выстрелы туда, где огонь неприятеля был сильнее.

В описанную ночь в одном из разрушенных строений крепости, служившем некогда казармой, лежали на земле обессиленные, истомленные люди. На лицах всех был написан ужас перед надвигающейся смертью.

– Каплю воды... Горю от жажды! – слышались с разных сторон стоны.

– Кусочек хлеба... умираю от голода! – глухо раздавалось с другого конца.

Эти несчастные уже почти целую неделю не ели и не пили. Осада совершилась так быстро и неожиданно, что крепость не успела сделать большого запаса. Теперь осажденным приходилось бороться против трех беспощадных врагов: внутренних – голода и жажды, внешнего – огня неприятеля.

С восьмого июня солдаты лишились горячей пищи. Лошади коменданта и артиллерии были зарезаны и съедены. Имевшиеся припасы с каждым днем истощались – солдатам начали

отпускать по осьмушке сухарей и ложке воды в сутки. А июньская жара становилась все невыносимей.

Положение больных в госпиталях было также ужасным. В крепости не было воды. Родник, находившийся за крепостью, отведен был турками. Каждую ночь пытались опускаться с крепостных стен за водой, но из двадцати-тридцати человек нередко ни один не возвращался. – Хлеба... воды... – повторялись голоса, прерываемые предсмертными вздохами.

Но вот – раз... два... загремели орудия, и гул их заглушил вопли несчастных.

Это была одна из тех минут, когда человек теряет чувство жалости к товарищу, потому что не в силах помочь ему. Никто не обращал внимания на голодающих, никто не заботился о жаждущих. Охваченный общим волнением, каждый ждал той решающей минуты, когда неприятель ворвется в крепость, как поток. И каждый готов был встретить его с оружием в руках и умереть с честью.

Часовые, поставленные за амбразурами цитадели, чтобы следить за движением неприятеля, не осмеливались высовываться, так как со всех холмов, занятых неприятелем, шла жесточайшая пальба, и пули пролетали со свистом, обдавая лица часовых неприятным теплым воздухом.

Видневшийся город представлял ужасную картину. Он был весь ярко освещен, как в торжественный день – в нем совершался кровавый праздник озверевших мусульман. Только ад пламенем огня и всеми своими ужасами мог соперничать с происходившими в городе жестокостями.

Горели жилища армян. Из окон и дверей домов вырывались огненные потоки, которые, сливаясь с темной массой дыма, стремились вверх, рассыпая кругом фонтаны искр. Пожар распространялся. Весь армянский квартал был объят пламенем. Из-под крыш домов высовывались огненные языки. Обгорелые брусья рушились, и крыши огненными покрывалами падали на несчастных обитателей, которые, будучи окружены пламенем со всех сторон, не имели возможности спастись. Отчаянные крики о спасении сливались с гулом пламени, которое, как рассвирепевший дракон, рвалось вверх, ярко освещая окрестности.

В освещенном пространстве открывалась обширная панорама, в которой картины ужаса сменяли одна другую.

Мусульмане убивали спасавшихся от огня армян, убивали без пощады, не различая ни пола ни возраста...

Девочек вытаскивали из домов за косы. Со всех сторон раздавался плач детей и слышались жалобные вопли и крики о помощи. Но слезы и стоны несчастных не могли тронуть сердца врагов.

В этих злодеяниях участвовали не только курды, но и регулярные турецкие войска и – что самое ужасное – жены курдов Они, подобно рассвирепевшим фуриям, забыв присущее женщине чувство жалости, вырывали из рук матерей детей и бросали их в огонь... Малейшее сопротивление наказывалось смертью.

Избиение продолжалось трое суток.

Несколько ополченцев армян, завидя из крепости эту картину, заплакали.

– Боже, как их режут!.. – прошептал один из них.

В числе ополченцев находился молодой армянин, который тоже смотрел на жестокий праздник варваров, но в глазах его не было слез. На его лице, выражавшем гнев, не замечалось и тени печали. Сердце юноши было переполнено ненавистью – но не к тем, которые убивали, а к тем, кто позволял резать себя как баранов.

– Смотрите, смотрите, – сказал он, – в этой толпе не видно человека, который осмелился бы поднять руку на своего убийцу. Что же, если не это, может ожесточить человека, зажечь в нем чувство мести! Дом его горит перед его глазами; дети его в огне; жену и дочь уводят... Мужчина видит все это и покорно подставляет голову под удары врага. Эх проклятый, ведь ты тоже человек! Убей врага своего, а потом умирай сам...

– Вардан, ты всегда жесток, – заметил ему один из товарищей.

Вардан ничего не ответил и удалился, казалось, ему тяжело было видеть картину позора и унижений армянина. «Они не умеют умирать с честью», – думал он.

Невдалеке от этого места в глухом углу крепости, в другой группе добровольцев происходил следующий разговор:

– Если и Петрос не вернется, то это будет пятая жертва.

– Слишком запаздывает. Не погиб ли бедняга?..

– Нет, прислушайтесь-ка: это – его сигнал. Слышите карканье вороны?

– Да, это он! Спустим ему лестницу.

Они спустили веревочную лестницу, и через несколько минут на стене крепости показался юноша с большим бурдюком, привязанным к спине. Товарищи помогли водоносу, и он опустился в крепость, где его встретили с объятиями. Вдруг один из товарищей с ужасом отшатнулся

– Что это? У тебя мокрое лицо, Петрос. Сверкнувшее в этот момент яркое пламя пожара осветило окровавленное лицо Петроса.

– Кровь! – воскликнули все в один голос.

– Не беда... – ответил тот с усмешкой. – Уже несколько дней, как я не умывался, сегодня, кстати, умылся как следует...

Петрос скоро рассказал, как он встретил курдов, стороживших родник, как те напали на него, а он уложил их на месте, получив рану в голову.

– Что же случилось с Анесом, Томасом, Адамом и Нерсесом? – спросили его.

– Черт их знает! – ответил Петрос своим обычным шутивым тоном. – Они точно условились отправиться на свидание к своим предкам в одну и ту же ночь. Один лежал у стены, вероятно, его угостили пулей, когда он спускался со стены; другой присел на полпути и боролся со смертью; третий растянулся, как бревно, у самого родника, а несчастный Томас, раненный в бок, придерживая рукой рану, проклинал курдов... Но я отомстил за них.

Четверо армян, о которых рассказывал Петрос, были друг за другом посланы за водой, но ни один из них не вернулся. Подобные случаи повторялись так часто, что убийство, смерть обратились в нечто обыкновенное, а потому рассказ Петроса не произвел особенного впечатления на слушателей. Они не позаботились даже о Петросе, не подумали перевязать его рану, хотя из нее сочилась кровь, да и сам он мало думал об этом.

– Черт бы побрал этих курдов! – продолжал он. – Эти проклятые видят в темноте не хуже волка; а стоит им только услышать шорох – сейчас же летит пуля.

После этих слов воины вспомнили наконец о ране Петроса, и взяв у него бурдюк с водой, отправились на крепостной двор.

– Ребята, – сказал один из них, – татарам не следует давать ни капли воды, шуточное ли дело – потерять четырех человек из-за одного бурдюка воды, а ведь из татар никто не захотел отправиться с охотниками.

– Нет, это нехорошо, – перебил его Петрос, – надо им тоже дать.

– Почему же не хорошо? – возразил первый. – На днях они раздобыли где то воды и, как воры, спрятали ее; из наших никто не получил ни капли.

– Они поступили плохо, но мы должны показать им, что значит военное товарищество. С этими словами они вошли во двор казармы.

– Вода!.. вода!.. – послышались со всех концов радостные восклицания, и толпа окружила вошедших.

Невозможно описать того восторга и радости, которыми была охвачена эта жаждущая толпа. Все смешались, толкали друг друга, и каждый лез вперед, чтобы поскорее напиться.

– Зажгите огонь и не мешайте: всякий получит свою долю, – оказал юноша, тащивший бурдюк. Он остановился и поставил бурдюк на землю.

Синеватый свет зажженного факела осветил взволнованные лица. Юноша взял рюмку и начал раздавать воду, имевшую неприятный вкус и запах. Некоторые выпили, не заметив этого, но один сказал:

– Какой странный цвет у воды!

– Пей, – ответил ему Петрос, стоявший тут же, – нынче курды красят воду такой краской...

– Какой краской?.. – раздался голоса.

– Нашей кровью... Если б только вы видели, сколько трупов валяется у родника, откуда я набрал бурдюк!

Всем стало как-то не по себе, но и после этих слов все с жадностью пили мутную, красноватую жидкость. Один из воинов решился даже грубо пошутить.

– Это тоже неплохо – вода сдобрена и придаст нам больше силы.

Но недолго пришлось шутить обрадованным солдатам.

Снова раздался гром пушек, и бомбы стали перелетать с гулом через крепостные стены. Одну из них разорвало возле стоявших солдат, и многих ранило насмерть.

В это время в комнате коменданта собрался совет из нескольких офицеров под председательством Штоквича. В совете участвовали и некоторые предводители ополчения из армян и мусульман. Лампа, горевшая на маленьком столе, освещала бледным светом печальные и озабоченные лица.

В последние дни были получены от неприятеля письма с предложением сдаться.

Эти письма были написаны старым, непримиримым врагом русских, сыном известного Шамиля – генералом-лейтенантом Шамилем, который числился в свите султана и теперь находился в лагере неприятеля. Последнее письмо содержало в себе много угроз и обещаний. Этому письму и был посвящен военный совет. Нужно было решить, что ответить.

– Пока живы – не сдадимся, – сказал комендант.

– Но если осада продолжится еще несколько дней, то невозможно будет держаться, – заметил один из офицеров.

– Положение наше и сейчас невыносимо, – оказал другой, – у нас нет ни хлеба, ни военных припасов... Не понимаю, чего медлят глупые курды, почему не нападают сразу. Ведь нам нечем защищаться.

– Да, мы поступили очень неблагоприятно, – произнес третий офицер.

– Прошлого не воротишь. Поговорим лучше о настоящем, – заметил комендант и повторил: – Не сдадимся, пока живы!

– Если мы не получим помощи, то погибнем, – ответил ему один из предводителей мусульман.

– Нет у нас сил ждать помощи, – заговорил хан. – По-моему, надо выйти из крепости, разорвать кольцо неприятеля, и тогда или спасемся или попадем в плен.

– Последнее более вероятно, и результаты его могут быть печальны, – возразил ему предводитель армянского ополчения. – Крепость, по крайней мере, служит прикрытием; она задерживает шествие турецких войск. Если мы потеряем ее, то откроем путь башибузукам Измаила-паши, и им ничего не будет стоить в несколько дней завладеть Нахичеванью, Эриванью, а может быть, они и дальше пойдут. Местные мусульмане, насколько мне известно, с нетерпением ждут этих самозванных гостей, а армяне совсем не вооружены. Для защиты нашего края оставлено мало войска, так как наши главные силы сосредоточены в окрестностях Карса. Пока они подоспеют на помощь, все будет уничтожено турками.

Эти слова привели хана в раздражение, и он обиженным тоном произнес.

– Вы сомневаетесь в преданности мусульман?

– Сомневаюсь, и не напрасно, потому что у меня есть факты, подтверждающие мои слова. Вот, например, в числе осаждающих нас курдов находится много зиланцев, которые до войны

были преданы русским. А в окрестностях Нахичевани какой-то полоумный мулла возбуждает народ своими вещими снами, предсказывающими господство ислама в этой области.

Зиланцы курдское племя

Председатель прервал их спор.

– Нужно ждать и защищаться до последнего вздоха – оказал он, – я надеюсь на скорую помощь. Генерал Тер-Гукасов не далеко от нас. Стоит ему узнать о нашем положении, и он не замедлит прийти выручать Баязет. Нам нужно только дать ему знать.

– Каким образом? – спросили его.

– Письмом.

– Кто же возьмется доставить письмо?

– Надеюсь, найдется такой смельчак.

– Положим. Но как он проберется? Неприятель окружил нас со всех сторон.

– Попробуем.

Совет решил написать Тер-Гукасову, и через четверть часа вместе с членами совета комендант с письмом в руках вышел из комнаты.

Легкий бой барабана собрал всех солдат на площадь крепости. Комендант начал звучным голосом;

– Ребята, всем вам известно наше положение, поэтому считаю лишним говорить об этом. Будем надеяться на милость божью. Если запоздает подмога, мы погибнем. Следовательно, нужно дать весть о себе, кому следует. Вот это письмо нужно передать генералу Тер-Гукасову, который находится близко от нас. Получив письмо, он не замедлит явиться на выручку. Теперь скажите: кто тот храбрец, который возьмется за это важное дело? Пусть он подойдет и возьмет письмо. Я обещаю ему награду, которой достоин человек, жертвующий своей жизнью для спасения тысячи других. Пусть откликнется тот, кто желает доставить письмо!

Воцарилась глубокая тишина. Из толпы не послышалось ни одного голоса.

– Повторяю, – продолжал комендант взволнованным голосом, – с этим письмом связано наше спасение. Кто желает заслужить славу быть спасителем всех нас?

Ответа опять не было.

– Неужели нет среди вас такого смельчака?! – воскликнул комендант дрожащим голосом. – Кто соглашается взять письмо?

– Я! – послышалось в толпе, и молодой армянин подошел к коменданту и взял письмо. Этого молодца звали Варданом!

¹ Настоящее имя молодого человека Самсон, но я из героя моего романа создал отдельный тип, этим слегка отклонился от исторической правды; но пусть простят меня, если я подлинность пожертвовал поэтической свободе (Прим. автора).

II

На следующее утро первые лучи солнца осветили в Баязете и его окрестностях ужасную картину: стали ясно видны последствия погрома, совершенного варварами в течение трех суток. В городе царила мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая криком ворон, перелетавших стаями с места на место, чтобы пожирать трупы убитых. Улицы города представляли печальную картину.

Вместо домов были кучи пепла; там и сям курились недогоревшие предметы, перед каждым домом валялись трупы стариков, мужчин и женщин с детьми... Голодные собаки с жадностью рвали трупы и рычанием своим старались спугнуть налетающие вороны стаи...

Отовсюду, из домов и лавок, несся удушливый смрад разлагающихся трупов.

В таком мертвом городе цитадель Баязета ждала своего печального конца.

Осада усиливалась. Все окрестности города: ущелья, горы, поля и равнины – все было покрыто бесчисленными толпами башибузуков. Их лагерь был раскинут группами, и в каждой замечалось движение, суета и гомон!

Религиозный фанатизм соединился с жестокостью воина. Человек, превратившийся в зверя, убивал, терзал себе подобных. Победители, насытившись кровью, занялись грабежом. В одном месте лежали на земле богатые армяне, которых пытали, чтобы узнать, где хранится их богатство. Несчастные страдальцы плакали, умоляли, клялись, что они отдали последнее и что у них нет ничего больше, но им не верили, и чтобы вынудить признание, у них на глазах резали их детей.

В другом конце города курды делили между собой добычу. Жены их с радостными лицами навьючивали ею своих мулов... Немного дальше делили пленных армян; вдруг между курдами возникла ссора из-за одной красавицы, и дело чуть не дошло до сабель. В противоположном конце над валявшимися трупами собрались дикие кошки и хищные птицы... А недалеко от них богомольные турецкие солдаты исполняли свой утренний намаз и, благочестиво подняв кровавые руки к небу, благословляли бога ислама...

Все это свершалось среди дыма, заслонявшего солнце точно густой туман. Орудия не переставали греметь. Ядра ударялись в стены крепости, но она гордо стояла на высоком холме и еще могла отражать удары неприятеля.

На одном конце лагеря внимание всех привлекал какой-то странный человек, который шел прыгая, хлопая в ладоши и пел наивную курдскую песню.

Баба старая в лягушку превратилась,
И на дно она морское опустилась.
Там песку она достала не простого,
Полну пригоршню песочка золотого
За козу песок она отдала.
А козе ноги не доставало!
Ты скажи мне, козочка,
Дорогая козочка,
Почему грязна ты,
Почему хрома ты?

– «Юродивый!» – кричали со всех сторон курды и, окружив его, заставляли повторять песню.

И действительно, этот человек был юродивым или прикидывался им. Он был одет, как у нас одеваются шуты, бродящие по селам с канатными плясунами. Стоя под канатом, они

паясничают и развлекают народ. Был он высокого роста, с диким выражением лица. На голове его красовался высокий безобразный колпак, сшитый из кусков старого войлока и увешанный маленькими колокольчиками, которые звенели при малейшем движении головы юродивого. Лицо его было вымазано ваксой и расписано разноцветными линиями. Все его платье состояло из старой разорванной шинели, надетой на голое тело и подпоясанной веревкой; ноги были босы.

– Ну-ка, зареви ослом, – говорили ему.

Юродивый нагибался и, широко раскрыв рот, отчаянным криком подражал ослиному реву.

Окружающие смеялись и бросали ему медные монеты. Юродивый, поднимая деньги, удивленно рассматривал их и, бросив в сторону, просил хлеба; получив хлеб, он разламывал его на куски и глотал не разжевывая.

– Ты, вероятно, пляшешь как медведь, – кричали ему, – покажи-ка нам свое искусство.

Юродивый ползал на четвереньках, поднимал ноги, ходил на руках и проделывал различные другие акробатические упражнения. Целый день он оставался в лагере курдов, развлекал их – болтал по-курдски, ругал и проклинал русских, кричал, что надо уничтожить всех гяуров.

До поздней ночи раздавался по лагерю голос юродивого, но с рассветом юродивый исчез...

III

Полуденное солнце жгло немилосердно. Было удушливо жаркое время дня, когда дороги освобождаются от путешественников и каждый старается скрыться в тени, подышать свежим воздухом.

В это время по дороге, ведущей из Баязета в Алашкерт, шел одинокий путник. Дорога вилась зигзагами по горным теснинам; бесконечные спуски и подъемы могли утомить путника, но он, казалось, не чувствовал усталости.

Он шел быстрыми шагами, безостановочно, не глядя по сторонам, точно его влекло вперед весьма важное дело и каждая минута была очень дорога.

Путник был молод и одет как юродивый, которого мы видели накануне: та же изношенная шинель покрывала его голое тело, тот же пояс, недоставало только колпака, увешенного колокольчиками, и на лице не видно было следов ваксы. Голова его была защищена от палящих лучей солнца шапкой, сплетенной из свежего тростника, какие плетут и носят крестьяне во время полевых работ. Этот патриархальный головной убор затенял его мужественное, но грустное лицо. Путник казался очень опечаленным.

Вдруг, услышав ржанье лошади, он остановился и осторожно стал осматриваться. Звуки повторились. Убедившись, что они доносятся из ближайшего ущелья, путник после минутного размышления направился к нему. Отойдя немного от дороги, он поднялся на первый холмик и устремил взор в глубину ущелья, поросшего травой. Там паслась оседланная лошадь, дальше виднелись кустарники, среди них путник заметил длинную пику с блестящим острием.

«Здесь должен быть человек, он один, потому что пасется одна лошадь, которая, наверно, принадлежит ему; нет сомнения, что он курд – тут курдская сбруя и пика; он непременно спит, потому и спутал ноги лошади, чтобы она не уходила далеко». Так размышлял путник. Вдруг его осенила какая-то мысль, и он быстро спустился с холмика.

В ущелье протекал ручей, поросший по берегам густым камышом; там и скрылся путник. Он пополз к кустам, из которых торчала пика. Его гибкое тело скользило в камышах, точно змея. Тихий ветерок мерно покачивал головки камышей, и шум их заглушал шорох от каждого движения прокрадывавшегося смельчака. Все благоприятствовало ему...

Он приблизился уже к тому месту, где была пика. Здесь, в нескольких шагах от цели, путник притаился и, не вставая, начал наблюдать из-за камышей. Невдалеке, под тенью кустов, лежал человек, видимый лишь наполовину; он был одет как курд. Полуденный жар загнал его на отдых, но спал он или нет, трудно было сказать: он лежал спиной к путнику, растянувшись на густой траве.

Путник, глядя на него из своей засады, не мог определить, закрыты ли глаза курда, а знать это ему было необходимо. Глаза его горели. От сильного волнения мысли путались, и он не знал, на что решиться. Ему, безоружному, предстояла борьба с дикарем, вооруженным с ног до головы. Но нужно было решать: каждая минута была дорога...

В это время он заметил, что курд поднял голову, осмотрелся, взглянул на лошадь и, увидев, что она близко, снова опустил голову на сумку, заменявшую подушку.

«Итак, курд не спал или только сейчас проснулся», – подумал путник. При этом лицо его передернулось, а губы начали дрожать. Взглянув на пику, он заметил, что она довольно далеко от курда и ближе к месту, где скрывался он сам. В глазах его блеснула радость.

Как тигр, он бросился из своей засады, схватил пику и, представ перед лежащим врагом, крикнул:

– Оружие!

Курд презрительно взглянул на эту странную фигуру в изорванной шинели, с комической шапкой на голове и, не изменяя своего положения, схватил пистолет и сказал:

– На тебе!..

Раздался выстрел – пуля пролетела мимо.

– Мерзавец! Ты еще сопротивляешься? – закричал путник и воткнул пикку прямо в горло курду.

Горячая кровь брызнула фонтаном; голова курда покачнулась, и он упал. Затем он поднялся, схватил кинжал, но обессилевшая рука едва вытащила его наполовину из ножен.

– Пес! За что убиваешь? – простонал он в предсмертных судорогах.

– Ты много убивал наших... ты грабил нас... Я у тебя научился убивать, грабить. Мне предстоит далекий путь, а у меня, как видишь, ни платья, ни оружия, ни коня. Твое платье, оружие и красивый конь были мне необходимы. Я хорошо знал, что живой ты ничего не отдашь, поэтому и успокоил тебя навеки. Может, ты лишился баязетского грабежа, но зато братья твои работают там хорошо!..

Курд ничего не слышал; глаза его закрылись. Он умер.

Все это произошло в несколько минут.

Путник раздел свою жертву донага, оттащил труп к камышам и спрятал там, накрыв своей шинелью. Затем, надев платье курда, взял его оружие, вскочил на прекрасного коня и продолжал свой путь.

IV

На следующий день после этого происшествия всадник в платье курда незаметно проскользнул в лагерь генерала Тер-Гукасова и объявил, что имеет важное письмо к генералу. Дежурный офицер, допросив его, взял письмо, а самого гонца оставил у палатки, где тот водил коня, который был весь в мыле. Через несколько минут его позвали к генералу. В палатке сидел военный, среднего роста, плотный, с суровым лицом, выражавшим львиную отвагу. Это был Тер-Гукасов. Он сидел у письменного стола, наклонив седую голову над вскрытыми письмами; при входе гонца он взял одно из писем, начал читать его и усиленно курить. На лице генерала отражалась сердечная боль и печаль. Вдруг он повернул голову к гонцу и спросил:

– Ты армянин?

– Армянин, сын священника, – ответил молодой человек.

Генерал бросил на него пронизательный взгляд и продолжал допрос.

– Есть ли запас хлеба в крепости?

– Через несколько дней начнут пожирать друг друга, если не умрут голодной смертью.

– А вода есть?

– Нет. Нужно добывать ее за крепостью. По ночам с трудом спускаются с цитадели десять-двадцать человек; на них почти всегда нападают курды, так что редко кто возвращается обратно.

– А огнестрельные припасы? Есть ли у них порох, пули?

– Все было израсходовано, но один из наших армян разыскал где-то в крепости оружие, порох и ядра, зарытые турками; теперь перебиваются этим.

– Как удалось тебе выбраться из крепости?

– Рано утром я спустился с крепостной стены и прямо направился в лагерь врагов, где целый день тешил и смешил их: пел, плясал, дурачился, а потом, побывав везде и все разведав, попрощался с ними.

Генерал смотрел на него с удивлением.

– Вот так безумец, что ты говоришь!

– Да, ваше превосходительство, – ответил спокойно молодой человек, – мне, видно, суждено играть роль безумца, и это спасает меня от многих опасностей. Я прикинулся юродивым и вошел в лагерь неприятеля.

Юноша рассказал генералу о всех своих проделках в лагере курдов.

На строгом лице генерала показалась легкая улыбка, и он благосклонно спросил:

– Где же ты раздобыл платье, которое сейчас на тебе?

– Бог помог мне в этом: по дороге сюда я встретил курда, у которого и отнял это платье, оружие и коня.

И молодой человек рассказал, как удалось покончить ему с курдом.

– Ты, видно, храбрец, – сказал генерал и, приняв прежний сосредоточенный вид, продолжал допрашивать-

– А много курдов у Баязета?

– Много. Говорят, около двадцати тысяч, но не все курды, между ними немало и других магометанских племен. У кого было какое-либо оружие и лошадь, все поспешили в Баязет, образовалась целая армия. На пути я встретил многих, которые направлялись туда же.

– Есть ли у них пушки?

– Есть.

– Что же они думают предпринять?

– Спешат взять Баязет, а затем двинуться на Эривань и Тифлис, куда их влечет красота грузинок и армянок.

Генерал презрительно улынулся и сказал:

– С двадцатью тысячами направиться к Тифлису? Это немислимо...

– Ваше превосходительство, двадцать тысяч не мало, если для сопротивления нет и тысячи солдат, а между тем, к ним скоро присоединится Измаил-паша со своей армией. Что же касается магометан тех краев, то они с нетерпением и с раскрытыми объятиями ждут этих гостей.

При этих словах лицо генерала омрачилось, и сердце его, не знавшее смущения в минуты ударов судьбы, охватило сильное волнение. Он начал бессознательно тереть рукой лоб, как бы стараясь освободиться от гнетущих мыслей. После минутной задумчивости он поднял седую голову и обратился к гонцу с вопросом:

– Л в самом Баязете ты был?

– Как же, был. В нем не осталось ни одного армянина. Старики, больные и дети перебиты; молодых девушек увезли в плен. Дома сожгли, а имущество разграбили. Только около сотни семейств, которым известно было, что ожидало Баязет, убежали в пограничный город Магу; да они спасли только себя – имущество их разграблено. Вы не представляете, как изменнически, как жестоко поступили с армянами магометане.

– Как?

– Когда в начале войны русские подступали к Баязету, местные магометане боялись их. Они думали, что русские, как турки, придут и ограбят их: они спрятали все ценное у соседей армян, говоря: «Вы христиане, вас не обидят, и имущество наше будет в безопасности».

Но русские, придя, никого не тронули и в обращении не отличали магометан от христиан, и мусульмане, успокоившись, взяли обратно все, что было спрятано у армян. Когда же пронесся слух, что идут курды, мусульмане сказали своим соседям. «Вы сделали нам добро, мы хотим отплатить вам тем же: идут курды и, наверное, ограбят вас, дайте ваше имущество нам на хранение». Армяне поверили и отдали все, что имели, а некоторые и сами скрылись у них с женами и дочерьми. Но как только курды ворвались в город, мусульмане выгнали армян из своих домов, оправдываясь тем, что курды отомстят им за покровительство христианам. Таким образом, они предали армян в руки неприятеля, присвоив их имущество. А как только начался погром, первый огонь открылся из домов местных мусульман... тех самых, которые полтора месяца назад присягнули вашему превосходительству быть верными подданными русского царя. Стреляли даже их жены.

Генерал слушал молча. Молодой человек продолжал:

– Ах, если бы вы знали, сколько храбрецов погибло при взятии Баязета курдами! Как вам известно, для охраны крепости было оставлено слишком мало солдат и ополченцев. Штоквич с русскими солдатами героически охранял крепость, а ополченцы – город. Давно доходили до нас слухи, что целые полчища курдов, предводимые шейхами Ибадуллою и Джелалэддичом, направляются к Баязету. Об этом нас извещали ванские армяне. Многие из нас требовали укрепления города и увеличения численности войск, чтобы встретить неприятеля, но нашлись люди, которые старались помешать этому, убеждая всех, что слухи эти ложны, а потому всякие приготовления излишни. С какой целью эти изменники старались оставить нас беззащитными перед неприятелем, я не могу сказать; вы, конечно, расследуете все это потом. Скажу только одно, что армяне были и будут всегда верны русским.

Как видно было, молодой человек затруднялся обо всем говорить откровенно.

– Ты расскажи мне, что было предпринято после вторжения курдов, – перебил его генерал.

– Когда пришли курды, Штоквич после нескольких неудачных боев поспешил укрепиться в крепости. Часть ополченцев осталась в городе, так как в крепости не было ни места, ни запасов продовольствия для всех. Из друзей наших ополченцев-татар часть убежала в Игдырь и Персию, но мы решили или умереть или удержать город за собой, хоть нас и было мало. Мест-

ные армяне готовы были присоединиться к нам, так как знали хорошо, что их ждало в случае, если б турки овладели городом. Вам известно, генерал, с какой радостью встретили армяне победоносные русские войска, когда они вошли в город. Турки не могли никогда им этого простить и должны были выместить свою злобу на тех, которые предпочли русский орел полумесяцу ислама...

– Ты опять уклоняешься от ответа, – перебил его генерал. – Расскажи мне, чем кончилось дело.

Молодой человек сдержал волнение, вызванное печальными воспоминаниями, и продолжал.

– Быть может, нам удалось бы сообща с местными армянами спасти город, если бы последних заранее снабдили оружием, но жители не получили его. Однако, несмотря на это, они не отставали от нас. Сначала борьба шла славно. Маленькие группы людей сопротивлялись громадной силе; с нами было и несколько сот ополченцев-татар. Но неожиданно наши друзья мусульмане покинули поле битвы и разбежались – вероятно, им не особенно приятно было пускать пули в своих. Тогда мы, армяне, стали защищаться одни. Но не долго мы продержались. Через несколько часов у нас вышли огнестрельные запасы и начался рукопашный бой, в котором многие пали. Часть попала в плен, а другие, увидя бессцельность борьбы, успели убежать. Вот тогда только удалось неприятелю завладеть городом.

– Понятно... – промолвил тихо генерал и, поднявшись с места, подошел к ящичку, достал оттуда крест и, надев его на грудь молодого человека, сказал:

– Ты заслужил его; кроме того, я представлю тебя к чину. Ты останешься при мне, я нуждаюсь в таких героях...

Молодой человек поблагодарил его низким поклоном и сказал:

с меня и креста, генерал. Вы сделали бы мне большое добро, если б отпустили меня сейчас туда, куда я хочу

Генерал, удивляясь его скромности, спросил.

– Куда же ты спешишь?

– Спасти одну жизнь, которая дороже для меня всего на свете...

– Ты, друг мой, вероятно, имеешь тайну? – добродушно спросил генерал.

– Да, это тайна моего сердца...

– В таком случае прими этот маленький подарок, быть может, он пригодится тебе, – сказал генерал, давая ему сверток золота.

– Если бы вы отпустили меня скорее, это для меня было бы лучшим подарком, – ответил юноша, отказываясь от золота.

– С богом! Пусть господь хранит тебя, – сказал генерал, пожав ему руку.

V

Вернемся на несколько лет до войны.

В провинции Багреванд, недалеко от монастыря Сурб-Ованес (Уч-Килиса), на берегу одного из верхних притоков Евфрата, находилась армянская деревня О... Она была расположена в довольно обширной долине, которую природа щедро наградила красотой.

Две цепи гор с волнистыми вершинами, окаймляя долину, придали ей вид овала. Среди долины, извиваясь, бежал приток Евфрата, который у местных жителей называется Агсу, то есть «чистая вода». И это название было вполне заслуженным. На окружавших долину горах, богатых пастбищами, паслись большие стада овец и скота, а вся равнина была покрыта пшеницей, ячменем, льном и другими посевами; рука земледельца не оставила здесь и клочка невозделанной земли. На этой обширной долине недалеко друг от друга находилось несколько армянских деревень, которые, утопая в садах и рощах, издали казались зелеными островами.

На самом краю долины, в ущелье, стояла деревня О. Дом старшины Хачо (настоящее имя его было Хачатур) богатством и величиной сильно отличался от других. Каждое утро со двора этого дома выгоняли на пастбище около ста голов крупного скота. Его буйволы, вола, коровы и лошади считались лучшими во всей деревне. У Хачо было около тысячи овец, которые паслись на ближайших горах под охраной пастухов. Ему же принадлежала большая и единственная в деревне маслобойня. За деревней была у него прекрасная мельница, жернова которой вертелись круглый год. Но главным богатством дома Хачо и его опорой были семеро его сыновей, один мужественнее другого.

Они были женаты, и дом Хачо был полон ребятишек всех возрастов – были даже женаты некоторые из внуков, у которых тоже, в свою очередь, были дети.

Таким образом, старик Хачо имел у себя перед глазами несколько поколений; все они жили вместе, работали сообща и как бы составляли свой, особый мир. В деревне сложилось нечто вроде поговорки: «У Хачо столько же детей, сколько скотины».

Из всех сыновей старшины не был женат один, меньшой – Степаник, которому только исполнилось шестнадцать лет. Однако, глядя на его лицо, можно было заметить, что годы еще не дали ему присущей на юге этому возрасту зрелости. Черты его детского, свежего лица были нежны и привлекательны, он был больше похож на девушку, чем на юношу.

Сыновья и внуки Хачо имели свои особые обязанности как в земледелии, так и в уходе за скотиной, и редко кто оставался дома, исключая Степаника, который мало помогал братьям в этих работах.

Он был для Хачо Иосифом Прекрасным, и старик всегда держал его при себе. Между Степаником и Иосифом Прекрасным было сходство не только в том, что он был таким же красивым и скромным, как сын Израиля, но и в том еще, что его одевали так же нарядно, как и Иосифа. На нем всегда можно было видеть архалук из пестрого аленского атласа, обшитый золотом, а сверх архалука накидку из красного сукна, вышитую золотыми нитками. Кирманская шаль заменяла ему пояс, широкие шаровары шились из ванской шерстяной материи, а ноги были обуты в эрзерумские красные сапожки. На голове Степаник носил красную феску, обвитую цветным шелковым платком, поверх которого спускалась черная шелковая кисть. Изпод фески мягко падали на плечи волнистые каштановые волосы. Словом, он отличался от Иосифа Прекрасного только тем, что братья Иосифа смотрели на любимца отца с завистью, а братья Степаника, наоборот, души в нем не чаяли.

Издали дом Хачо производил впечатление древнего замка. Стоял он на холме и имел все необходимое для защиты от врагов. Этот замок был окружен четырьмя высокими стенами, образовывавшими громадную квадратную площадь, на которой находились разные строения,

необходимые при большом хозяйстве: овчарки, хлев для скота, конюшни, склады для хранения земледельческих орудий, сенники и кладовые для корма скота, погреба, амбары и т. д.

Тут же были устроены помещения для пастухов и рабочих с их семьями; все они были курды и выполняли разные полевые работы, а жены их работали в доме. Короче говоря, в ограде замка помещалась маленькая деревня, хозяином которой являлся старик Хачо.

Помещение, где жило его многочисленное семейство, не отличалось замысловатостью: не было почти никаких подразделений на комнаты с разными названиями, которые выдумал наш современный цивилизованный мир. В этом доме сохранялась еще та патриархальная простота старины, когда наши, деды жили под шатром, с той лишь разницей, что шатер заменял каменный дом.

Для сыновей Хачо, из которых каждый со своими детьми составлял целое семейство, не было отдельных комнат; все они жили под одной крышей, в одной комнате, представляющей собой не что иное, как четыре стены, покрытые толстыми бревнами.

Здесь разводили огонь, здесь пекли хлеб, варили пищу; ели и спали все вместе. Тут же можно было видеть телят, козлят, которые вместе с детьми бегали, прыгали, наполняя дом шумом и гамом. Часто заглядывали сюда и куры со своими цыплятами собирать крошки хлеба и объедки, выпавшие из рук беззаботных Детей. Словом, это был Ноев ковчег с разнообразными животными. Рядом с описанной комнатой находилась Другая, которая, как летнее помещение, имела со стороны двора открытую галерею. Кроме этих комнат, была «ода» – приемная, двери которой открывал только для гостей, поэтому она была хорошо убрана и содержалась в чистоте.

VI

Несмотря на такую простоту обстановки, жизнь в этом патриархальном доме текла в радости и довольстве. Работа непрерывно кипела, амбары и погреба Хачо были постоянно переполнены хлебом, маслом, зерном и прочим добром. Во всякое время года, в жар холод, старик умел находить работу.

Горные снега начали уже таять, и покрытые свежей зеленью поля глядели весело. Воздух, пропитанный ароматной теплотой, распространял всюду жизнь. По ущельям и оврагам шумно бежали ручьи и, как змеи, расплзались по долине. Прилетевшие ласточки звали землеша на работу. Сыновья Хачо готовили свои плуги.

Солнце уже подымалось, чуть-чуть освещая розовыми лучами снежные вершины гор. Старик возвращался с заутрени домой, благословляя встречаемых крестьян. Сегодня сыновья его должны были вывести во двор откормленных быков и буйволов, которые за все время зимовки не видели солнечного света. Для крестьян это зрелище было большим развлечением, и многие собрались перед домом Хачо посмотреть, как выхолен и откормлен его скот.

– В добрый час, старшина Хачо, – оказал один из крестьян.

– Кажется, дети твои хотят выгнать сегодня скотину?

– Да, пора уже. Я спросил священника, а он ответил, что сегодня день добрый, ну, я и решил... – ответил Хачо, придававший особенное значение словам священника.

В эту минуту со двора послышались звуки колокольчиков, и крестьяне расступились, чтобы дать дорогу.

– Это – Чора, – раздалось со всех сторон.

Так звали одного из лучших буйволов старшины. Чора имел на лбу белое пятно в виде звезды и отличался необыкновенной силой и величиной.

Громадное животное с ревом вырвалось на волю. Земля дрожала под его ногами. Он стал посреди площади, приподнял голову и свирепым взглядом посмотрел вокруг. В эту минуту подошел к нему старшина и разбил об его лоб сырое яйцо; желтая жидкость окрасила белый лоб животного. (Это делалось для того, чтобы изгнать злую силу и чтобы не «сглазили» буйвола). Однако такая операция взбесила Чору, и он, сделав страшный прыжок, бросился на толпу.

Увидев это, подоспели сыновья старика с дубинами и стали усмирять расшвырянутое животное. Началась борьба человеческой силы с дикой силой животного.

Вырвавшись из мрака хлева на свет, Чора ничего не разбирал и не узнавал даже своих хозяев, кормивших его всю зиму, руки которых он не раз облизывал, теперь в яром бешенстве он бросался на всех. Шестеро молодцов наносили Чору удары со всех сторон, но он принимал их как удары легкой палочки. Старик, стоя вдали, с восторгом любовался картиной этой борьбы, которая могла бы сделать честь лучшим римским гладиаторам.

Перед его глазами боролись две силы – его храбрые сыновья и дикое животное, и обе эти силы имели одинаковое значение, так как от них зависело благосостояние его хозяйства.

Схватка делалась очень опасной – оборвалась цепь с чурбаном, привязанная к шее животного и раньше не дававшая ему возможности двигаться свободно. Крестьяне бросились на Чору, чтобы связать его веревками, но он одним движением разорвал веревки и, кидаясь во все стороны, заставил крестьян разбежаться. Вдруг, в момент такой растерянности толпы, к Удивлению всех, Апо, младший сын старшины, отважно бросился к Чоре и схватил его за хвост. Чора брыкался, вертелся, увлекая за собой врага. Эта борьба, сопровождаемая криками толпы, продолжалась несколько минут. Разъяренное животное ревели, било ногами. Поднялась пыль и скрыла борющихся из глаз окружающих; наконец, подоспели братья Апо и общими усили-

ями связали цепями непокорного Чора. Победа Апо над животным была встречена восторгом толпы.

Старик подошел к сыну и, поцеловав его в лоб, оказал:

– Пусть бог не оставит тебя, сын мой, ты не осрамил меня.

Затем он приблизился к Чора и, погладив его по голове, сказал:

– Озорник! Чего ты дурачился?

Но Чора был спокоен. Туман, застилавший ему глаза, рассеялся, и он, узнав своих хозяев, как будто сожалел о совершившемся. Снова накинули ему на его толстую цепь с бревном и пошли к реке.

Крестьяне все еще стояли перед домом Хачо, так как после Чора должны были выводить других буйволов, не уступавших своей силой Чора. Но на этот раз сыновья Хачо приняли все меры предосторожности. Каждое из этих красивых, здоровых и откормленных животных удостоилось бы первой награды на любой сельскохозяйственной выставке.

Старик любовался ими и над каждым из них совершал таинственный обряд опасения от злых духов, привешивая на шею треугольный пакет из зеленой кожи, где была зашита молитва, написанная священником – этот пакетик имел силу талисмана. В свою очередь, крестьяне восторгались и хвалили сыновей Хачо за хороший уход за скотиной: это льстило самолюбию старика. Так должны были каждый день выводить одичавших животных, пока они, освоившись с жизнью на воле, могли бы быть пущены на работу в поле.

VII

Настали апрельские ясные, теплые дни. Горы давно уже покрылись цветами, и молоденькие курдианки, связав из цветов букеты, обходили дома армян, обменивая их на хлеб. Грибы, спаржа и разные съедобные травы уродились в таком изобилии, что жены курдов охотно отдавали их крестьянам за несколько фунтов муки целыми вьюками.

Сыновья Хачо уже начали пахать свои поля. Работа кипела всюду, в деревне нельзя было увидеть праздного человека.

Утро. Тониры² в доме Хачо затоплены. На одних стоят большие котлы и горшки, а в других пекут хлеб. Молодые хозяйки и служанки суетятся около печей. Дом, наполненный паром и приятным запахом еды, обратился как бы в обширнейшую кухню, готовящую обед для целого отряда войск. За столом Хачо кормилось, кроме его большого семейства, множество пастухов и работников с семьями. Все это составляло целый легион. Ежедневно топились те же тониры, готовилось в том же количестве кушанье, вследствие чего трудолюбивые невестки Хачо не имели ни одной минуты покоя; надо было заботиться обо всем и накормить всех. Но были и другие работы: вот одна из хозяек доит коров и овец, другая кипятит молоко, третья готовит сыр, четвертая бьет масло. Дети кружатся тут же, играя с телятами и барашками. Любо смотреть на такое семейное счастье крестьянина.

На восточной стороне двора под стеной стоят ряды ульев, освещенные апрельским солнцем. В то время, когда хозяйки занимаются своим делом, старик Хачо возится около ульев; он открывает их дверцы – вылетают рои пчел и весело кружатся над головой Хачо, наполняя воздух жужжанием и шумом. Есть между ними и злючки, которые награждают морщинистое лицо старика колючими поцелуями. Но он не чувствует боли и, отгоняя пчелу рукой, кричит: «Эх, злой сатана, что худого сделал тебе Хачо?»

Степаник обыкновенно стоит тут же и следит с любопытством за работой отца.

– Уходи, дитя мое, пчелы ужалят тебя, – предостерегает его отец.

– Отчего же тебя не кусают?

– Кусают, но мне не так больно.

– Почему же не больно?

– Тело мое давно привыкло к их жалю.

– Пусть и мое привыкает, – отвечает, улыбаясь, юноша.

Старик смеется и целует его.

Разговор их прерывает сельский десятник, который пришел известить Хачо о том, что Фаттах-бек, вождь курдов, едет к нему и, вероятно, скоро прибудет, так как охотится на ближайших горах. Казалось, черная туча прошла по открытому лбу старика и сразу опечалила его веселое лицо; но он, скрыв недовольство, не просил десятника позвать сыновей с поля для прислуживания беку и позаботиться о корме для его лошадей.

Посещения бека сделались так обыкновенны в доме Хачо, что уже всем было известно, что и в каком количестве приготовить для его приема; а потому хозяйки дома, узнав о госте, сейчас же зарезали несколько баранов и начали варить плов³ в больших котлах, потому что свиту бека составляло всегда не меньше двадцати или тридцати человек.

Фаттах-бек был вождем одного из племен курдов, стада которого паслись в соседних с деревней О... горах. Благодаря такому соседству нередко возникали споры и драки между пастухами армянами и курдами из-за украденного барана или потравы, но споры эти оканчивались миром, потому что вождь курдов не только считался хорошим знакомым старшины, но и

² Тонир, тондырь – вырытая в земле печь.

³ Плов – рисовая каша, любимое на востоке блюдо.

состоял с ним в кумовстве. Он был крестным отцом некоторых внучат Хачо, а тот, в свою очередь, присутствовал при обрезании детей бека, вследствие чего между ними завязались самые близкие отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.